

СИРИЛ

ХЕЙМР

*ПРОСТЫМ УДАРОМ
ШИЛА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Сирил Хейр

Простым ударом шила

«Издательство АСТ»

1946

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Хейр С.

Простым ударом шила / С. Хейр — «Издательство АСТ»,
1946 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-183938-3

Адвокат Фрэнсис Петтигрю призван на работу в управление производством булавок. Однако скучать ему не придется, на досуге служащие развлекаются тем, что придумывают сюжет идеального преступления. А тем временем реальная жизнь подкидывает загадки посложнее: кто-то из сотрудников занимается самым настоящим шпионажем, затем происходит убийство, для которого, казалось бы, нет никаких мотивов. Полиция в тупике – и Петтигрю приходится начинать собственное расследование...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-183938-3

© Хейр С., 1946

© Издательство АСТ, 1946

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хейр Сирил

Простым ударом шила

© Charles Gordon Clark, 1946

© Перевод. И. Доронина, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

Дизайн обложки *В. Воронина*

* * *

Ф.Ф.Г.С.,

«единственному вдохновителю...»

Глава первая

Петтигрю отправляется на север

Фрэнсис Петтигрю угрюмо смотрел через окно своей адвокатской конторы в Темпле¹ на деревья вдоль Эмбанкмента² и серое мерцание реки за ними. Пейзаж никак нельзя было назвать непривлекательным, однако его он не радовал. Петтигрю был человеком консервативного склада и за двадцать лет привык видеть из этого окна мягкого красного цвета кирпичную стену в двадцати шагах от себя. Два месяца назад фугасная и несколько зажигательных немецких бомб открыли обзор, разрушив кирпичную стену и два квартала домов, скрывавшихся за ней. В первый раз с того времени как были построены, здания Темпла оказались у всех на виду. Петтигрю считал, что в этом есть нечто неприличное.

Вздыхнув, он повернулся к человеку, стоявшему у него за спиной.

– Ну вот, – сказал он, – теперь на некоторое время это – твое. Если не считать пробоины в потолке, помещение неплохо сохранилось. Тем не менее будь осторожен с книгами. Некоторые из них весьма грязны. Особенно Мизон и Уэлсби вон там, в углу, на них просыпалось больше всего сажи из дымохода в соседней комнате. И разумеется, там-сям можно напороться на стекло. Полагаю, ты не собираешься перевозить сюда много своих книг?

Мужчина усмехнулся и ответил:

– О нет, совсем немного. А точнее сказать, только один том Хэлсбери. Я случайно прихватил его с собой в тот первый ночной налет. Это едва ли не единственная реликвия, сохранившаяся от блаженной памяти помещения суда Малберри. Очень любезно, что ты предоставил свою контору в наше распоряжение. Не представляю, что бы мы делали, если бы...

– Ни слова более, старина. Это ты окажешь мне любезность тем, что не дашь выстыть помещению, пока я буду отсутствовать.

– Когда ты уезжаешь?

– Сегодня же, как всегда. Я чувствую себя немного глуповато, начиная новую карьеру в моем возрасте, но, похоже, там я действительно нужен и не считаю себя вправе отказаться.

– А что именно за работа тебя ждет? Полагаю, она имеет отношение к одному из этих министерств?

Петтигрю напустил на себя чрезвычайно важный вид.

– Контрольное управление мелкой продукции, точнее, булавок, – ответил он торжественно и добавил: – Когда-нибудь слышал о таком?

– Э-э... кажется, что-то слышал. Оно контролирует производство и торговлю всякой мелочью, полагаю?

– Насколько я мог понять, это весьма неточное описание его деятельности. Джентльмен, который беседовал со мной при приеме на работу, – а он был, заметь, ни больше ни меньше как заместитель помощника самого начальника управления, – дал мне понять со всей определенностью, что от деятельности управления зависит вся... Я забыл, как он выразился, но, уверяю тебя, это произвело на меня глубочайшее впечатление, я хотел сказать, впечатление, превышающее масштабы мелкой продукции. И как юрисконсульт управления я буду представлять собой в некотором роде влиятельное лицо. Ты мог бы это понять, если бы потрудился

---

¹ Темпл (от *англ.* temple – храм) – комплекс зданий в Лондоне, где располагаются инны – судебные корпорации адвокатов, имеющих право выступать в высших судах. Построен на месте, где в XII–XIV веках жили рыцари-тамплиеры и где стоял их храм. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Принятое в разговорной речи сокращенное название набережной Виктории (Victoria Embankment) – одной из наиболее красивых набережных Лондона; расположена между Вестминстерским мостом и мостом Блэкфрайарз.

заглянуть в шедевр развлекательной литературы под названием «Регламент ограничительных мер Управления мелкой продукции» от 1940 года, но я не советую тебе этого делать без крайней надобности.

– Не возьму в толк, почему ты не можешь проконсультировать их отсюда, из Темпла.

– Честно признаться, я тоже. Но Контрольное управление мелкой продукции базируется в Марсетт-Бее, туда я и направляюсь.

– Марсетт-Бей. Дай-ка подумать, где же это?

– Не ломай голову. Это где-то в районе Полярного круга, насколько я себе представляю. В самой глубинке. Нет, даже хуже – на самом краю того, что Шекспир назвал нашим «островом зубчатым Альбиона»³. Так или иначе, билет у меня в кармане, и если я не двинусь в путь сейчас же, то опоздаю на поезд. До встречи, старина. Присматривай за конторой. Если камин начнет дымить, что всегда случается при восточном ветре, лучше всего поднять дальнее окно дюймов на шесть и оставить дверь чуть приоткрытой. Тогда весь дым пойдет в соседнюю комнату, где работают клерки. Увидишь, это очень помогает, если, конечно, за дверью тебя не ждет особо важный клиент. Я напишу тебе и расскажу, как у меня дела. Могу даже прислать карту образцов мелкой продукции, обращающейся на черном рынке.

В отличие от большинства людей, обещающих писать и рассказывать о своих делах, Петтигрю сдержал слово. Не прошло и двух недель после его отъезда в Марсетт-Бей, как его арендатор получил первое письмо.

«Дорогой Билл, – говорилось в нем, – тебе когда-нибудь снилось, что ты живешь в мраморных хоромы? Если да, то мне нет нужды описывать тебе это место. Полагаю, оно было задумано первым и, к счастью, последним лордом Эглуисвровом как величественный храм наслаждения, и построил он свою пирамиду (в которую вполне вписались столы Контрольного управления мелкой продукции) как раз накануне войны. Для этого безобразного сооружения он выбрал поистине восхитительное, хотя и чертовски ветреное место на высоком берегу моря. Как мог человек серьезно намереваться жить в таком чванном великолепии, не представляю. Вероятно, это и невозможно. По крайней мере, его светлость умер через два месяца после того, как предпринял попытку, и с тех пор замок пустовал, пока какому-то гению не пришло в голову, что мраморные хоромы – идеальное место для обитания взводов машинисток, а бесконечные коридоры просто созданы для женщин-посыльных, чтобы бегать по ним, стуча каблуками, с папками или, того хуже, с чайниками в руках.

Мне выпала удача стать обладателем отдельной, умеренно тихой маленькой комнаты, предназначавшейся, как я догадываюсь, в качестве обители одному из слуг высшего ранга. В еще более тесной каморке рядом с моей расположилась моя секретарша. Она производит впечатление вполне квалифицированного работника и, слава богу, не склонна к болтовне – то ли немая, то ли просто робкая, этого я еще не понял, и лицо у нее из тех, что, раз увидев, никогда не вспомнишь. Так или иначе, сравнивая ее с другими здешними дамами – а я никогда и представить себе не мог, насколько забито женщинами будет это место, – я имею все основания быть благодарным судьбе за мою мисс Браун.

Что касается прочих сотрудников заведения, у меня пока не было возможности в них разобраться. Разумеется, есть начальник управления. Он обитает в олимпийском уединении библиотеки лорда Эглуисврва. Думаю, он представлял бы собой вполне разумное человеческое существо, не будь он Высокопоставленным Государственным Служащим, на время одолженным министерством финансов для руководства этой аферой. Но как таковой он малодоступен. В труппе, подобной нашей, изобилующей дилетантами и временными работниками вроде меня, он редко кого хвалит и с очень немногими вообще разговаривает. Бедняга! Полагаю, в

---

³ Уильям Шекспир. Генрих V. Акт 3, сцена 5. Перевод Е. Бируковой.

конец войны он получит за свой тяжкий труд орден Бани или нечто подобное, но это будет вполне заслуженно.

Единственно, с кем я успел познакомиться ближе, – это сотрудники, живущие в служебной гостинице, или пансионе, который приютил и меня. Все они представляют собой братство (или сестринство) адептов мелкой продукции, и я полагаю, что получу массу удовольствия, наблюдая за особенностями их поведения. Кроме мисс Браун, здесь имеется некое странное существо по имени Гонория Дэнвил, чья основная функция в управлении состоит в приготовлении чая – излишне говорить, что это самое важное событие рабочего дня. Мисс Дэнвил – заметно глуховатая пожилая дружелюбная дама, но, надо признать, определенно чокнутая. Еще есть мисс Кларк, горгона, которая управляет своим департаментом лицензирования с чудовищной эффективностью и которую я боюсь до смерти.

Что касается мужской части компании, то следует назвать препротивного малого по фамилии Рикаби, затем бывшего секретаря поверенного по фамилии Филипс – добропорядочного господина средних лет, который, подозреваю, имеет виды на мисс Б. (кстати, ты должен его помнить, ведь фирма „Мэйхью и Тиллотсонз“, если не ошибаюсь, была вашим клиентом), а также существо в роговых очках, некто Иделман, которого я пока не раскусил, могу лишь сказать, что он чрезвычайно умен и превосходно играет в бридж.

Не буду утомлять тебя дальнейшими описаниями, упомяну лишь еще об одном весьма забавном открытии, которое я сделал. Скромный человечек по фамилии Вуд оказался не кем иным, как писателем-детективщиком Эймиасом Ли. Уверен, что тебе подалось кое-что из его писаний – порой довольно занимательных, хотя представления об уголовном судопроизводстве у него дикие. Очевидно, в течение некоторого времени он сохранял здесь свое инкогнито, поэтому смутился и покраснел до корней волос, когда я его разоблачил. Ему следовало бы присмотреться к местному колориту – прекрасный антураж для совершения убийства.

Кстати, это правда, что Барроуза-младшего прочат в Апелляционный суд? Мне казалось, что...»

Окончание письма представляло сугубо профессиональный интерес.

Глава вторая

Рождение сюжета

Новость о том, что мистер Вуд пишет, вызвала живейший интерес среди обитателей пансиона «Фернли». Следует признать, что интерес этот не был ни в коей мере обусловлен знакомством с произведениями мистера Эймиаса Ли. Каждый член маленького коллектива тем не менее счел своим долгом по крайней мере как-то объяснить то, что не читал их. У мисс Кларк было «слишком мало времени для чтения», что при ее плодотворной сосредоточенности на том, чтобы заставить своих подчиненных работать максимально быстро, казалось немного удивительным. Вне работы она интересовалась только кинофильмами и не скрывала своего негодования по поводу того, что единственный в Марсетт-Бее кинотеатр мог позволить себе менять программу лишь раз в неделю. Мисс Дэнвил, напротив, имела массу свободного времени для чтения. Ее редко можно было увидеть без книги, но это почти всегда была одна и та же книга – маленький томик в кожаном переплете. Прочсть название книги возможным не представлялось, однако по выражению, которое приобретало лицо мисс Дэнвил, когда она в нее углублялась, нетрудно было догадаться, что книга религиозная. Учитывая это обстоятельство, было лишь естественно, что она тоже понятия не имела ни о «Смерти на станции „Бейкерлоо“», ни о «Загадке скрученного галстука», ни о других творениях Эймиаса Ли. Но весьма неожиданно она искренне расстроилась по этому поводу.

– Когда-то мне очень нравились детективы, – объяснила она, – но теперь я перестала читать подобную литературу. – И она снова опустила взгляд в свою кожаную книжку.

Мисс Браун, когда ее спросили, только покачала головой, и ни у кого, тем более у скромного мистера Вуда, не хватило духа поинтересоваться причинами у особы столь юной, столь робкой и столь очевидно ошеломленной встречей с писателем во плоти.

Мужчины тоже, как выяснилось, не внесли своей лепты в авторские гонорары мистера Вуда. Мистер Иделман при упоминании псевдонима пристально посмотрел на его обладателя, пробормотал: «Боюсь, что нет» – и на этом закрыл для себя тему. Деликатный плешивый мистер Филипс, стараясь быть вежливым, заявил, что наверняка читал его книги – он берет в библиотеке все детективы. К сожалению, он никогда не запоминает ни их названий, ни фамилий авторов. Ни, судя по всему, содержания. Мнения Рикаби по обсуждаемой теме услышать не довелось. В тот вечер он отсутствовал, чему его соседи по пансиону были только рады. Таким образом, Петтигрю остался единственным признанным представителем читательской аудитории Эймиаса Ли. Право считать себя таковым давал ему тот факт, что он рецензировал два его последних сочинения для некоего юридического журнала, и, вспомнив о том, сколько процессуальных ошибок нашел у автора, он возблагодарил издателей за то, что рецензии не были подписаны.

Однако все, особенно дамы, выразили безоговорочное мнение, что необходимо, не теряя времени, приобрести и прочсть все произведения мистера Вуда. Даже мисс Дэнвил, готовая ради такого случая разок спуститься с небес, не усомнилась в правильности такого решения. Намного интереснее, заметила она, прочсть книгу, будучи знакомой с ее автором. Мисс Браун свое согласие с этим суждением выразила неким нечленораздельным бормотанием. Однако здесь возникла трудность. Книги Эймиаса Ли не входили в число бестселлеров. И он сам скромно признался, что в настоящий момент их нелегко достать. Дефицит бумаги вынудил его издателей убрать их с рынка. Война вообще поставила писателей в весьма затруднительное положение. Конечно, можно еще где-нибудь найти экземпляр по чистой случайности. Но в книжном магазине Марсетт-Бее нет ни одного – на днях он сам просмотрел там все полки.

Нет, ни по одному из его произведений фильмов еще не снимали. Голливуд пока не выказал к ним интереса. Конечно, всякое может случиться, но ведь выбор книг так велик...

Все присутствовавшие разочарованно вздохнули. Иметь в своих рядах писателя – событие незаурядное, однако писатель, чье авторство приходится принимать на веру, не совсем то.

Очевидное решение проблемы предложила Веселая Вдова.

Веселой Вдовой была миссис Хопкинсон. Они с мисс Кларк вместе учились в школе, и этот факт придавал ей смелости обращаться с этой грозной женщиной без надлежащего пиетета, несколько даже дерзко, чего никто другой в управлении себе никогда бы не позволил. На удивление, мисс Кларк не только терпела подругу, но даже находила удовольствие в ее обществе. Они вместе почти каждый день совершали какие-нибудь вылазки, регулярно раз в неделю посещали кинотеатр и вне работы называли друг друга по имени. Больше всего миссис Хопкинсон подходило определение «веселая и беззаботная». По ее собственным словам, она была «всегда на подъеме». Ее природную миловидность, которую она, приложив немало стараний, сумела все-таки подпортить, выкрасив волосы в устрашающего оттенка бронзовый цвет, дополняли неистощимая жизнерадостность и хотя и вульгарный, но добрый нрав, которому было трудно противиться. Лет ей было, как она любила, хохоча, сообщать, «ровно тридцать девять».

В тот самый вечер, когда двойственность личности мистера Вуда была разоблачена, она «заскочила», как делала частенько, в гостиницу поболтать с мисс Кларк и осталась поиграть в бридж. К обсуждавшемуся предмету миссис Хопкинсон, разумеется, проявила горячий интерес. Пока разыгрывался роббер, она говорила мало, но по тому, как она играла – а играла она еще более небрежно, чем всегда, – было видно, что голова ее занята отнюдь не картами. Как только роббер закончился, она, не удостоив ни словом извинения своего несчастного партнера, мистера Иделмана, встала из-за стола с видом человека, нашедшего великое решение.

– Я знаю, что делать! – объявила она. – Слушайте все! Мистер Вуд напишет новую книгу.

– Ну, я надеюсь, конечно, – снисходительно ответил мистер Вуд. – Но сейчас у меня нет времени для писательства. Здешняя работа...

– Нет-нет, мистер Вуд! – лукаво воскликнула Веселая Вдова. – Дослушайте до конца. Вы напишете новую книгу, и вся она будет про нас!

– Но, миссис Хопкинсон, ради бога! – Лицо мистера Вуда сморщилось в замешательстве. – Я не смогу! Я никогда не делаю реальных лиц персонажами своих книг. Так книги не пишутся. По крайней мере я так не делаю. Это невозможно объяснить, но... это... это...

– О, разумеется, я вовсе не имела в виду скромных маленьких людей, каковыми мы являемся! Не сомневаюсь, это было бы слишком скучно. Вы, естественно, всех нас выведете под масками – возможно, лишь легкими штрихами слегка проявив то, что есть в нас худшего, чтобы было интереснее. А потом мы все повеселимся, читая книгу и гадая, кто есть кто. Не сомневайтесь, у вас будет куча читателей.

– И куча исков, смею предположить, – пробормотал Петтигрю. Мистер Вуд застонал.

– Нет, серьезно, – вступила мисс Кларк своим низким голосом, – разве управление не представляет собой весьма подходящий антураж для одной из ваших историй, мистер Вуд? Я всегда воображала, что таинственные убийства происходят в больших домах, набитых людьми, чтобы как можно больше затруднить решение загадки. А здесь как раз огромный дом, и в нем полно народу. Я думаю, это именно то, что вам нужно.

– Ну да, – согласился мистер Вуд. – Не скажу, чтобы мне самому это не приходило в голову. Разумеется, пишущий человек всегда невольно высматривает подходящий антураж.

– Человек, пишущий книгу о нас! – победно воскликнула миссис Хопкинсон. – Я знала, что вы не устоите.

– Нет-нет! Ничего подобного я не говорил. У меня в настоящий момент и сюжета-то нет. Я сказал лишь, что согласен с мисс Кларк в том, что управление могло бы стать неплохим

местом действия для книги. Если бы у меня было время писать и был сюжет, конечно, – добавил он.

– Не сомневаюсь, вы легко находите сюжеты, – сказала миссис Хопкинсон с ослепительной улыбкой.

– Уверю вас, далеко не всегда.

– Но мы вам в этом поможем, ведь правда? – обратилась она к присутствующим. – Давайте приступим к делу прямо сейчас. Кто у нас будет убийцей?

– Сначала надо решить, кого убьют, не так ли? – возразил мистер Иделман, в первый раз за все это время оторвавшись от газеты, в которую спасительно уткнулся, как только закончился роббер.

– Кого вы придумываете в первую очередь, мистер Вуд, – спросила Веселая Вдова, – убийцу или бедную жертву?

– Признаться, не могу сказать, – ответил встревоженный автор. – Никогда не задавался этим вопросом. Но вообще-то трудно придумать убийцу, не имея жертвы. Это как курица и яйцо.

– А правда, что вы всегда начинаете писать с последней главы? – поинтересовалась мисс Дэнвил.

– Разумеется, нет. Как можно сказать, чем окончится книга, если вы еще не начали ее писать?

– Не хотите ли вы сказать, – строго неодобрительно вклинилась мисс Кларк, – что можете начать писать книгу подобного рода, не зная, какой будет развязка?

– Я вовсе не это сказал. Я лишь имел в виду, что...

– Внимание, внимание! – перебила его мисс Кларк, хлопая в ладоши и призывая всех к порядку. – Мы не с того начали. Вопрос состоит в том, кого мы хотим видеть в качестве жертвы.

Петтигрю показалось, что первым отозвался мистер Филипс, но мистер Иделман, мисс Кларк и мисс Браун находились так близко у него за спиной, что предложения прозвучали почти хором:

– Рикаби.

– Великолепно! Один вопрос мы решили. Теперь кто...

– Минуточку... – Было очевидно, что мистер Вуд невольно начинал испытывать интерес. Словно Эймиас Ли зашевелился под скромным обликом временного гражданского служащего. – Минуточку. Я не уверен, что хочу убивать Рикаби.

– Не хотите его убивать? Но почему, мистер Вуд? Мы все этого хотим. Он же такой противный.

– Нет-нет. Я говорю не о своем личном отношении. Я говорю как писатель. Просто я не вижу Рикаби в роли убиенного. Он не – как бы это выразиться? – недостаточно значителен. Мне всегда нужна какая-то центральная фигура, на которой можно сосредоточить массу всевозможных мотивов – ревность, ненависть, страх и так далее. Тогда появляется материал для работы. Ничтожный негодяй, которого все терпеть не могут, такого материала собой не представляет.

– Я старомоден, – заметил Петтигрю. – Дайте мне труп миллионера в библиотеке, и я буду вполне доволен.

Вуд понимающе посмотрел на него.

– Именно, – медленно произнес он. – Вот мы и начинаем кое-что нащупывать. Вы имеете в виду то же, что и я?

Петтигрю улыбнулся и кивнул.

– О чем вы говорите? – раздраженно спросила Веселая Вдова. – Нет у нас тут никакого миллионера!

– Зато есть очень подходящая библиотека, – сказал Петтигрю.

Вуд набивал трубку с видом величайшей сосредоточенности.

– Два входа и французские окна, выходящие на террасу, – бормотал он. – Я обратил на это внимание в первый же раз, когда вошел туда. Идеально.

Миссис Хопкинсон в недоумении переводила взгляд с одного на другого, но потом ее внезапно осенило, и она захлопала в ладоши.

– Начальник управления! – воскликнула она. – Как же мы не подумали об этом раньше? Ну разумеется! Мы выстроим прекрасный сюжет вокруг убийства управляющего!

– Право, – сказала мисс Кларк своим офисным голосом, голосом, которым имела обыкновение пользоваться, когда желала нагнать страх и уныние на весь свой департамент лицензирования. – Шутка есть шутка, я понимаю, Элис, но нельзя забывать о служебной дисциплине, а это...

– Послушай, Джудит, если ты собираешься испортить нам все удовольствие, я перестану с тобой разговаривать! Мы сейчас не на работе и можем говорить все, что хотим. Кроме того, мистер Вуд настоящий писатель, и если он говорит, что убитым должен быть управляющий, значит, так тому и быть. Итак, кто же у нас будет убийцей?

– Вам не кажется, что мы похожи на майских психов? – спросил мистер Филипс.

– Весьма! – довольно хихикнула миссис Хопкинсон. – И как же нам убрать его, убрать его, убрать его? – подхватив аллюзию, промурлыкала она на мотив детской песенки.

Но тут на ноги поднялась мисс Дэнвил.

– Простите, но я лучше пойду лягу, – сказала она едва слышно, но решительно. – Мне не нравится эта... эта дискуссия о том, как лишить жизни человеческое существо. Даже в шутку. Это... это непристойно. Особенно сейчас, когда столько мужчин и женщин реально гибнет во всем мире. Знаю, я тоже виновата, поскольку поначалу бездумно присоединилась к этой игре. Но раз дело дошло до выбора одного из нас на роль Каина... Прошу меня извинить. – Она с достоинством вышла из комнаты, зажав в руке свою маленькую книжицу в кожаном переплете.

Несколько мгновений после ее ухода стояла тишина, затем послышался тихий голос мисс Браун.

– О, бедная мисс Дэнвил! – пробормотала она с искренней жалостью.

Петтигрю не мог не заметить, с каким сочувствием и восхищением посмотрел на нее при этом мистер Филипс. Было очевидно, что независимо от того, разделяет он ее чувства или нет, сердечная доброта маленькой секретарши тронула его.

«Черт возьми! – подумал Петтигрю. – Похоже, он действительно к ней равнодушен!» Эта мысль обеспокоила его. Не скажется ли это на эффективности работы мисс Браун, а он весьма ценил ее в качестве своего секретаря.

Других сочувствующих мисс Дэнвил не нашлось.

– Наверняка за всех нас сегодня усердно и искренне помолятся, – пренебрежительно бросила мисс Кларк. Судя по всему, она преодолела неудовольствие, которое сначала вызвало у нее предложение убить управляющего, потому что добавила: – Продолжай, Элис.

– На чем я остановилась? Ах да! Конечно, на поисках убийцы. Есть ли среди нас кто-нибудь достаточно кровожадный, чтобы стать злодеем? Не хочу сказать, что мне никто не приходит на ум...

– Если вы имеете в виду Рикаби, – авторитетно заявил Вуд, наблюдая за тем, как кольца дыма от его трубки поднимаются к потолку, – то он совсем не годится.

– О, мистер Вуд, имейте же совесть! – застонала Веселая Вдова.

– Но он действительно не годится, – не отступал романист. – Вы сами только что это подтвердили. Если человек представляет собой персону, от которой легко ожидать преступления, он не может быть злодеем в детективной истории. Иначе откуда же возьмется интрига? Здесь, безусловно, требуется человек, от которого вы ждете преступления меньше всего.

– У меня есть некоторый опыт в подобных делах, как вы понимаете, – заметил Петтигрю. – Должен сказать, что полиция почти всегда в первую очередь обращает внимание на самого очевидного подозреваемого. И как это ни огорчительно, едва ли не всегда оказывается права.

– Так мы ни до чего не договоримся, – выразила неудовольствие миссис Хопкинсон. – Вы посмотрите, как уже поздно! Через пять минут мне нужно уходить, а я ни за что не усну, если мы не решим этот вопрос. Мистер Вуд, кто, по-вашему, это должен быть?

– Именно это я и пытаюсь осмыслить. Нужен кто-то неожиданный. Но это, полагаю, можно сказать о каждом из нас. Трудность состоит в том, чтобы найти правдоподобный мотив для убийства управляющего, мотив в подобном деле – половина успеха.

– Иногда всем нам хочется его убить, – вставил Иделман.

– Разумеется, но я говорю не об этом. Естественно, все мы будем подозреваемыми. Да любой служащий управления может им быть. Нет никакой причины ограничиваться только присутствующими. – Он помолчал и добавил: – Нет, если бы я выбирал злодея, то склонился бы к кандидатуре мисс Дэнвил.

– О, но это неблагоприятно! – не сдержала осуждения мисс Браун.

– Милое дитя, это всего лишь игра, – укоризненно сказала мисс Кларк.

– Мисс Дэнвил, – повторил мистер Вуд. – Не знаю, приходило ли это вам в голову, но она так религиозна, что порой это кажется даже немного ненормальным. Разумеется, исключительно из литературных надобностей можно было бы преувеличить это отклонение от нормы, снабдить управляющего каким-нибудь тайным грехом, который она неожиданно обнаружит, и при соответствующих обстоятельствах...

– Религиозный фанатизм? – с сомнением произнес мистер Филипс. – Кажется, я уже читал нечто подобное. Я никогда не запоминаю названий книг, но...

– Конечно, где-то это уже было, – нахмурившись, перебил его мистер Вуд. – Все было. В этом главная трудность нашей игры. Но меня попросили с ходу придумать сюжет, и это лучшее, что я смог сделать. Простите, если...

– О, мистер Филипс совсем не то имел в виду, – поспешила заверить миссис Хопкинсон. – Я нахожу вашу идею превосходной и не сомневаюсь, что мы все ее поддержим. А когда будет написана книга, уверена, никто не разгадает секрета до самой последней главы, за исключением нас, которым повезло находиться у ее истоков. Вы ведь напишете ее, мистер Вуд, правда?

Он покачал головой:

– Боюсь, что нет. Даже если бы у меня здесь было время писать, я бы не смог этого сделать – поместить в книгу реальных людей.

– Ну, если вы отказываетесь, что весьма печально... Тем не менее не будет никакого вреда, если мы попытаемся себе представить, какой могла бы быть эта книга, как могли бы в ней развиваться события. К тому же это может вам пригодиться, если вы когда-нибудь потом все же соберетесь ее написать, пусть даже она будет о чем-нибудь совершенно другом. Не правда ли? Уверена, что мы все будем очень рады вам помочь.

– Я вас не совсем понимаю.

– Полагаю, – в своей тяжеловесно-педантичной манере произнес Иделман, – миссис Хопкинсон имеет в виду, что мы могли бы скрасить свой досуг конструированием воображаемого детективного сюжета, строя догадки и предлагая варианты...

– Именно!

– При том, что вы, безусловно, будете нашим, так сказать, главным редактором. Это может оказаться забавным.

– Ну, в этом, конечно, что-то есть, – признал Вуд. – Только я не совсем понимаю, как...

– Мои дорогие, я должна бежать! – воскликнула миссис Хопкинсон, поспешно собирая свои вещи. – Вы только посмотрите на часы! Огромное спасибо за чудесный вечер. Думаю, это

захватывающая идея. Позднее мы непременно обговорим ее более подробно. Наверняка мне сегодня будут сниться кошмары! Всем спокойной ночи!

После ее скоропалительного отбытия компания распалась. Немного спустя остальные дамы отправились спать, за ними последовали Филипс и Вуд. Петтигрю остался, он сидел, уставившись в огонь и на особый манер морща нос, как делал всегда, когда глубоко задумывался. Потом он взглянул на сидевшего в другом конце комнаты Иделмана, и у него вырвался сдавленный смешок.

– Что вас развеселило? – Иделман так редко задавал прямые вопросы, что эффект оказался неожиданным.

– Просто я подумал, что на довольно долгое время вы наверняка избавились от миссис Хопкинсон в качестве своей партнерши по бриджу.

Иделман невесело рассмеялся.

– Единственная польза от всей этой затеи, – сухо согласился он. – По крайней мере теперь ей будет чем еще заняться.

– Совершенно верно. Остается лишь надеяться, что польза не уравновесится вредом, – сказал Петтигрю.

Однако особой надежды в его голосе заметно не было.

Глава третья

Дело Бленкинсопа

Замок покойного лорда Эглуисврва представлял собой прямоугольное трехэтажное, непропорционально длинное строение, рискованно балансирующее на середине крутого склона горы в северной части Марсетт-Бея.

Главный вход был обращен к горе, а цокольный этаж, глядящий в сторону моря и в соответствии с рельефом местности поддерживаемый грузными колоннами из нетесаного камня, парил над запущенным садом, сбегавшим к пляжу. Под ним находился полуподвал, расположенный таким образом, чтобы челядь его светлости пользовалась северным, проникавшим через зарешеченные окна светом, не отвлекаясь при этом от исполнения своих обязанностей на созерцание бухты, расположенной с южной стороны. Теперь эта часть дома пустовала. Ее оборудовали под бомбоубежище, и это было бы прекрасное бомбоубежище, если бы в Марсетт-Бее слышали о воздушных налетах.

Спальный этаж замка был забит многочисленной документацией Управления мелкой продукции. Под тяжестью скопившихся папок пол уже просел в одном или двух местах, и, чтобы не дать ему провалиться, потребовалось срочно установить среди орнаментальных колонн нижних комнат несколько неуместных здесь деревянных подпорок.

Основная работа Контрольного управления мелкой продукции происходила в цокольном этаже. Покойный владелец велел своему архитектору спланировать для него анфиладу длинных, с очень высокими потолками, изысканно-уродливых комнат, занимавших площадь, достаточную для того, чтобы принять половину населения округа плюс еще немного. Министерство общественных работ приняло участие в их мебелировке столами и офисными стульями, а также в разделении их, где необходимо, на клетушки перегородками из фанеры и шероховатого матового стекла, которые не перекрывали расстояние до потолка и наполовину. Но даже при этом, как заметила миссис Хопкинсон, результат получился не слишком уютным.

Даже у мисс Кларк, при ее высоком положении в иерархии управления, фактически не было отдельного кабинета. В этом ей повезло меньше, чем Петтигрю, но невезение сказалось главным образом на ее подчиненных по департаменту лицензирования. Из-за тонкой перегородки, которая отделяла мисс Кларк от рядового состава, она слышала все, что происходило в их комнате, и подчиненные знали, что она может в любой момент ворваться туда и обрушиться на бедолагу, проявившего неосмотрительность. Мисс Кларк была большой мастерицей этого дела.

Наутро после «убийственного» обсуждения в пансионе «Фернли», словно бы во искупление легкомыслия, с каким позволила вовлечь себя в него, мисс Кларк была в наихудшем расположении духа. В комнату она врвалась часто и яростно, пребывая в настроении, свойственном время от времени всем способным организаторам, когда они желают сунуть нос в каждую мелкую подробность работы каждого сотрудника. В результате у ее подчиненных выдалось нервное утро. Даже миссис Хопкинсон не избежала ее нападков. Но к тому времени все уже давно привыкли к особенностям поведения мисс Кларк. Кстати, следует признать, что своими рейдами устрашения она сделала свой департамент безоговорочно самым эффективным во всем управлении. Клиентам, обращавшимся за получением лицензий на производство, приобретение или продажу мелкой продукции, ее сотрудники казались уклончивыми, нерасторопными и невозмутимо наглыми, но с административной точки зрения они были почти идеальны. Они знали все ответы, даже ответы на вопросы мисс Кларк. По крайней мере так казалось, пока мисс Кларк в недобрый час не понадобилось дело Бленкинсопа.

– Мисс Дэнвил! – Из-за двери отсека мисс Кларк показалась ее львиная голова. – Мисс Дэнвил!

Гонория Дэнвил, хотя она тщетно надеялась, что никто этого не замечает, была более чем немного глуховата. К тому же и мысли ее в тот момент витали где-то в другом, далеком от работы месте. В последнее время ей становилось все труднее сосредоточиться на мирских делах, в то время как мир иной с каждым днем делался ближе и важнее. Тем не менее второй оклик был достаточно громким, чтобы вернуть ее к окружающей действительности и встревожить. Она встала, слегка дрожащими пальцами одернула платье и ответила:

– Да, мисс Кларк.

– Принесите мне, пожалуйста, дело Бленкинсопа ХР 782. – Голова исчезла за дверью.

Мисс Дэнвил безнадежно посмотрела на разбросанные по столу бумаги и начала искать. Ей всегда требовалось вдвое больше времени, чем кому бы то ни было, чтобы найти папку. Мисс Дэнвил с искренним сожалением признавала за собой этот недостаток и смирилась с ним, но на сей раз приступила к исполнению задания с отчаянием. Ее глодало смутное предчувствие, что нужная папка не отыщется. И как оказалось, предчувствие не обмануло. Пять минут спустя она поплелась в отсек мисс Кларк в конце длинной комнаты с пустыми руками.

Мисс Кларк, не поднимая головы от стола, протянула руку за папкой. Этот жест был характерен для нее, когда она пребывала в крайне дурном настроении, и, вероятно, был призван подчеркнуть, что сотрудники являются скорее механизмами, служащими интересам Управления мелкой продукции, нежели живыми людьми. Но в данный момент механизм не сработал. Протянутая рука осталась пустой. После паузы, во время которой она нарочито внимательно читала письмо, зажатое в другой руке, мисс Кларк заставила себя обратиться к мисс Дэнвил как к живому, притом весьма ненадежному существу.

– Ну? – сказала она, поднимая голову. – Мисс Дэнвил, я жду. Дело Бленкинсопа, пожалуйста.

– Мне ужасно жаль, мисс Кларк, но у меня его нет.

– У вас его нет? – На лице мисс Кларк отразилось не столько даже неудовольствие, сколько недоверие. – Но оно должно быть у вас. Оно было расписано вам.

– О да, – поспешно согласилась мисс Дэнвил. – Я знаю, оно действительно было расписано мне. Оно есть в моем списке.

– Вот и хорошо.

Интонация мисс Кларк подразумевала: если папка была размечена вам, значит, она у вас. Такова незыблемая система работы департамента, и если система даст сбой, снова наступит Вселенский хаос.

– Но у меня его нет. – Мисс Дэнвил дрожала. – Я везде искала, искала, но... – Вдруг ее лицо прояснилось. – Ой, я только что вспомнила. Ну конечно! Его взял мистер Иделман.

– Нет, мисс Дэнвил, это невозможно. Вам прекрасно известно: когда дело переходит в другой отдел, на мой поднос должна лечь копия листка учета перемещений. Надеюсь, вы послали дело в регистратуру вместе с оригиналом этого листка. Что-то вы, девушки, становитесь слишком небрежны. Позвоните в регистратуру и затребуйте дело обратно. Потом... В чем дело?

– Я... я думаю, что там не было листка учета перемещений, – заикаясь, призналась мисс Дэнвил.

И без того суровое выражение лица мисс Кларк сделалось гневным.

– Не было листка учета перемещений?! – повторила она и с видом человека, решительно настроенного расследовать беззаконие до конца, продолжила: – Тогда, возможно, вы мне скажете, где находится заявка-требование от А.14 на это дело? – Даже в своем глубочайшем гневе мисс Кларк не забыла, что официальный внутренний код Иделмана – А.14.

Мисс Дэнвил, совершенно расстроенная, лишь покачала головой.

– У вас нет его заявки-требования? – беспощадно продолжала мисс Кларк.

– Нет, – пискнула мисс Дэнвил неестественно высоким голосом. – Нет. Мистер Иделман просто зашел в комнату, кажется, в среду или четверг, нет, в среду, я почти уверена, но это не важно, я думаю, и спросил: «Можно мне ненадолго взять дело Бленкинсопа?» Я сказала: «Да, наверное». Он сунул его под мышку и вышел. Я об этом забыла, потому что не думала, что дело может срочно понадобиться снова, после того как я только накануне послала им форму Р.С.52. Они всегда держат дела целую вечность. Вот таким образом... Вот что произошло, – закончила она. Поток ее речи иссяк так же неожиданно, как и начался, и наступила зловещая тишина. Выражение лица мисс Кларк говорило о том, что Хаос вернулся.

– Понятно, – мрачно сказала она наконец. – Ну а теперь, когда вы вспомнили, где находится дело, не окажете ли вы мне любезность принести его обратно?

– От мистера Иделмана? – нервно спросила мисс Дэнвил.

– Естественно. Если только кто-нибудь еще не позаимствовал его «ненадолго». Тогда вам придется взять его у этого другого лица, – с издевкой ответила мисс Кларк.

– А можно?.. Можно мне послать за ним курьера, мисс Кларк? С мистером Иделманом бывает немного... немного трудно иметь дело.

– Именно поэтому я и предлагаю вам самой забрать папку. Не вижу причин обременять курьеров дополнительными трудностями. А когда будете у мистера Иделмана, пожалуйста, передайте ему мой привет и обратите его внимание на действующие Правила регистрации, регулирующие передачу дел из одного департамента в другой. Вот, возьмите с собой их копию. Может быть, она освежит и вашу память.

Код А.14 принадлежал исследовательскому отделу, состоявшему из одного мистера Иделмана. Его положение во всех смыслах было исключительным. Он прибыл в Марсетт-Бей несколько позже остальных сотрудников и водворился в нише одной из самых больших комнат. Вскоре министерство общественных работ замуровало его в этой нише, превратив ее с помощью деревянных панелей в изолированный отсек, где он и пребывал каждый день с утра до вечера, окутанный саваном табачного дыма и являя собой тайну для всех. У него не было секретаря, и он никогда не беспокоил своими поручениями перегруженных работой девушек из машинописного бюро. Единственное, что было известно о его деятельности, так это то, что в его каморку вливался непрерывный поток дел, а из нее изливался такой же непрерывный поток рукописных рекомендательных записок. Занятиям мистера Иделмана придавал особый престиж тот факт, что эти рекомендации, как показал перекрестный допрос курьеров, направлялись из А.14 прямым путем к самому начальнику управления. Дальнейшая их судьба никому известна не была. Служебные записки мистера Иделмана, в отличие от служебных записок менее значительных сотрудников, не просачивались ни в Лицензионный департамент, ни в Службу обеспечения исполнения договоров, ни в Сырьевую группу. В департаментах маркетинга и экспорта, которые имели отношение ко всему происходившему в управлении, знали о них не больше, чем в остальных. По слухам, служебные записки Иделмана являлись одним из важных инструментов формирования рынка основной продукции для заседавшего каждый месяц Комитета по стратегическому планированию, и это казалось правдоподобным предположением; но поскольку комитет заседал в Лондоне под председательством самого министра, его деятельность была сферой, о которой рядовые сотрудники не могли судить с какой бы то ни было долей уверенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.